3 1761 08821313 7

LR
G6724ru

Gorodetsky, Sergei Mitrofanovich
Русь.

Title transliterated:
Rus'

Сергѣй Городецкій

Русь

Пѣсни и думы

Изд-т-ва И. Д. Сытина
Москва
1910

РУСЬ.

Нищъ и свѣтелъ, прохожу я и пою.

Вяч. Ивановъ.

rodetsky, Sergei Mitrofanovich

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ

РУСЬ

Rus'

ПѢСНИ И ДУМЫ

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

ИЗД. Т-ВА И. Д. СЫТИНА
МОСКВА
1910

LR
G6724ru

570390
6.10.53

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.

Москва.—1910.

РУСЬ.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнѣй, и что смѣлѣй!
Гдѣ сіяетъ солнце жарче,
Гдѣ сіять ему милѣй?

Поле, поле! Все раздолье,
Вся душа—кипучій ключъ,
Вѣковой вспѣненный болью,
Напоенный горемъ тучъ.

Да, бѣдна ты и убога,
И несчастна и темна,
Горемычная дорога
Все еще не пройдена.

Но и нѣтъ тебя счастливѣй
На стремительной землѣ,
Нѣту счастья молчаливѣй,
Нѣту доли горделивѣй,
Больше свѣта на челѣ.

У тебя въ глуши родимой
Людъ упорнѣй, чѣмъ кремень,
Гнетъ стерпѣлъ невыносимый
Въ темной жизни деревень.

У тебя по чернымъ хатамъ
Потомъ жилистой руки
Днямъ раздольнымъ и богатымъ
Копятъ силы мужики.

У тебя по вешнимъ селамъ
Ходятъ дѣвушки - цвѣты,
Днемъ не смаяны тяжелымъ,
Правдой юности святы.

Горе горькое изжито!
Вся омытая въ слезахъ,
Плугомъ тягостнымъ разрыта,
Солнцу грудь твоя открыта,
Счастье добыто въ бояхъ!

ЗА СВѢТЛАНОЙ.

Надъ великою поляной,
Надъ страною снѣговой
У Свѣтланы со Смугляной
Споръ сверкаетъ вѣковой.

Говоритъ Смугляна:—Знаю,
Вся моя теперь она.
Села скорбью пеленаю,
Въ городахъ живу одна.—

Говоритъ Свѣтлана:—Чую,
Будетъ вся она моей.
Только въ небѣ заночую
И сниму печаль съ полей.—

И летятъ сестра съ сестрою,
И за ними споръ летитъ.
Рѣки бьются подъ корою,
Черноземъ метелью свитъ.

Люди скупо чередуютъ
Трудъ и лѣнь, какъ день и ночь.
Звѣзды зимнія колдуютъ:
Погубить или помочь?

За Свѣтланой, за Смугляной
Мы идемъ. Судьба идетъ.
Надъ великою поляной
Время зоркое поетъ.

Но въ душѣ у всѣхъ, кто свѣтелъ,
Кто живетъ не въ чарахъ сна,
Богъ таинственно отмѣтилъ,
Что царица—лишь одна.

ГАДАНЬЕ.

Распахнула дверь рѣзную,
Снѣгъ полночный заскрипѣлъ.
На поляну ледяную
Бѣлый мѣсяцъ поглядѣлъ.

Побѣжала на поляну
Красна дѣвица краса.
По цвѣтному сарафану
Распустилася коса.

— Ты скажи мнѣ, мѣсяцъ бѣлый,
Кто мнѣ суженъ, присуженъ?—
Недвижимъ оледенѣлый
И высокій небосклонъ.

— Ты кивни мнѣ, мѣсяцъ ясный,
Если будутъ сваты къ намъ! —
Возлетаетъ зовъ напрасный
Къ молчаливымъ небесамъ.

— Ты не хочешь, мѣсяцъ милый,
Отвѣчать мнѣ! Неужель
До безрадостной могилы
Буду я, какъ въ полѣ ель?—

Въ горѣ руки заломила,
Слезы искрятся, бѣгутъ.
Но въ слезахъ красавицъ сила:
Улыбнулся мѣсяцъ тутъ.

И сквозь слезы видитъ дѣва —
Онъ киваетъ съ облаковъ,
Справа, справа, а не слѣва:
Много будетъ жениховъ!

СВАТЫ.

Въ жемчуга да замуруды
Обрядилася Краса.
Звякнутъ гусли-самогуды,
Въ пляску вылетитъ коса.

Ручкой лебедь лебединой
Возмахнетъ да поведетъ—
Сердце всякое кручиной
Да любовью изойдетъ.

Отплясала. Стала. Мало?
Нѣтъ! Пора дары принять.
Вотъ подходитъ сватъ Сусало,
Ну сверкать, да ну блистать.

Но Краса, зажмуривъ очи,
— Отодвинься,—говоритъ,
И подходитъ сватъ Книгочій,
Двѣ псалтыри волочитъ.

Но Краса ужъ машетъ ручкой:
— Волоки, да мимо, сватъ!—
И ужъ скрюченъ закорючкой
Сватъ Подъячій средь палатъ.

Но Краса краснѣе мака:
— Разогнись, да отойди!—
И подходитъ сватъ Вояка,
Панцырь блещетъ на груди.

Но Краса ему съ упрекомъ:
— Милъ и смѣлъ, да все жъ постылъ.
Сколькихъ смялъ ты конскимъ скокомъ
Сколькихъ палицей убилъ?—

Вотъ и всѣ прошли тутъ сваты,
Всѣхъ спровадила Краса;
Обошла она палаты,
Землю, море, небеса.

И за облакомъ летучимъ,
На лазури голубой
Обручилася съ Могучимъ,
Повидалася съ Судьбой.

И пришла назадъ сіяя:
— Есть женихъ вѣдь у меня!
Я невѣста молодая,
Я дождусь святого дня!—

ВИТЯЗЬ.

На распутье витязь дикій
Прискакалъ.
Камень древній, темноликій
Въ даль вѣщалъ:

Смерть направо, плѣнъ налѣво,
Прямо бой.
Встанетъ огненная дѣва
Предъ тобой.

И летитъ со смѣхомъ витязь
Въ путь прямой—
Вѣтры поля! Такъ стремитесь
Вы домой:

За кочевья кучевыя
Сизыхъ тучъ,
Гдѣ небесъ крутыя выи
Рѣжетъ лучъ.

Горы витязю—пороги,
Лѣсъ—коверъ.
Не видалъ такой дороги
Божій взоръ!

Не слыхалъ такого лета
Міръ земной!
Неба прервана дремота,
Вздрогнулъ зной.

Свищетъ лукъ, взлетаютъ стрѣлы,
Мчится конь.
Вдругъ алѣетъ полдень бѣлый:
Дымъ, огонь.

Встала огненная дѣва,
Дали нивъ
Блескомъ яростнаго гнѣва
Озаривъ.

Витязь ринулся съ разбѣгу,
Бой сверкнулъ.
О, къ какому мчишь ты брегу,
Алый гулъ?

О, куда пробьешь дорогу
Витязь, ты?
Не къ завѣтному ль порогу
Красоты?

И не къ свѣтлымъ ли истокамъ
Бытія,
Гдѣ добро не подъ зарокомъ
Забытья?

ВЕРТОДУБЪ.

О молодость, о буйность!
О, хмель Славянскихъ глазъ!
И рѣчекъ тихоструйность,
И темныхъ горъ алмазъ.

Невѣдомые! Любо
Стоять вамъ на краю
И дѣда Вертодуба
Звать громко въ жизнь свою.

Вы помните, какъ въ сказкѣ
Вертѣлъ дубами онъ,
И въ этой ветхой маскѣ
Вамъ слышенъ новый звонъ.

Эй, рвите ихъ съ корнями
Столѣтніе дубы!
И смѣло съ топорами
За срубъ святой избы!

Великой и просторной,
И свѣтлой. И для всѣхъ.
Чтобъ гулъ стоялъ задорный,
Гремѣлъ весенній смѣхъ

Чтобъ дѣдъ въ гробу дубовомъ
Подъ насыпью вѣковъ,
Встревоженъ громкимъ зовомъ,
Сорвалъ оковы сновъ.

И глубину земную
По-старому тряхнулъ,
На молодость хмельную,
Хмелѣя самъ, взглянулъ.

И рухнувъ въ землю снова,
Обрушилъ за собой
Всю тьму земного крова,
Проклятую судьбой.

ПОЛЬША.

Ты незнакомая сестра,
Но полюбилъ тебя давно.
На западъ съ польскаго костра
Родное пламя взметено.

Костеръ Славянскій свѣтитъ въ міръ,
Не разгорѣвшись, ужъ слѣпитъ,
И буйныхъ силъ неслышный пиръ
Сквозь тишь Славянскую кипитъ.

И гдѣ прорвется—тамъ полякъ,
Гдѣ вглубь уходитъ—русскій тамъ.
Но той же молніей во мракъ
Взлетаютъ оба—свѣтъ вѣкамъ.

О Польша! Ты—стрѣла Славянъ.
Я вижу напряженный лукъ,
И нескудѣющій колчанъ,
И гнѣвъ простертыхъ Божьихъ рукъ.

О Польша! Я родной тебѣ.
Огонь въ стремительныхъ мечтахъ,
И вѣрность огненной судьбѣ—
Все побѣдить иль пасть во прахъ.

ВЕСНА.

Я молодъ, воленъ, сытъ и веселъ,
Въ степяхъ иду, степямъ пою.
Цвѣтною тканью занавѣсилъ
Кибитку зыбкую свою.

Цвѣтною тканью скрылъ отъ зноя
Красу Увепы—самъ иду.
Сонъ тѣшитъ тѣло ей парное,
Любовь темнитъ ей кровь-руду.

Качаютъ кони шатеръ уютный,
И вѣтеръ чешетъ гривы имъ.
Въ степи мнѣ вѣтеръ всегда попутный,
Всегда ложится путь за нимъ.

Гнѣзда не вью я своей Увепѣ,
Кибитка намъ всѣхъ лучше гнѣздъ.
Вверху лишь небо: днемъ, какъ степи,
А ночью—пестрое отъ звѣздъ.

Итти устану, въ кибитку лягу,
И сами кони повезутъ.
И съ губъ губами хмельную влагу
Тяну, а бусы въ сердце бьютъ.

Житье степное, весна степная!
Иди—люби, люби—иди.
Передъ глазами лишь ткань цвѣтная,
Лишь солнце ходитъ впереди.

СИРЕНЬ.

Сирень въ цвѣту тяжеломъ,
И запахъ какъ дурманъ.
А тамъ, по горамъ голымъ,
Сѣдой, ночной туманъ.

Чуть виденъ мѣсяцъ острый,
А свѣтитъ на сирень,
На твой платочекъ пестрый
Изъ русскихъ деревень.

Ты смотришь, какъ черница
Въ стѣнахъ своихъ скитовъ,
А тутъ сирень-синица
Поетъ безъ голосовъ.

Пойди ко мнѣ поближе...
Цвѣтистое крыло
Сирень опуститъ ниже:
Для насъ вѣдь зацвѣло.

Двуострый полумѣсяцъ
Все небо обойдетъ.
Ты знала ли май-мѣсяцъ?
Узнай—душа замретъ

ДОЖДЕВИКЪ.

Дождикъ вешній, рѣденькій
Городъ окропилъ.
Гнется нищій сѣденькій
На углу безъ силъ.

— Ты куда, откудова,
Старичокъ, скажи!
— Съ неба бѣлогрудаго,
Съ голубой межи.

— Кто же съ неба дальняго
Въ городъ попадетъ?
— Не смущай печальнаго!
Видишь: дождь идетъ.

— А о чемъ печалится
Дождевикъ сѣдой?
— Скоро ль мукъ убавится
У земли святой.

НИЩАЯ.

Пришла ты издали: оттуда,
Гдѣ вѣтеръ съ голоду замолкъ.
Что думала? Есть стыдъ у люда,
И нищій нищему не волкъ?

И стала на углу, въ прохожихъ
Суя неловкую ладонь,
Въ глазахъ, съ глазами молній схожих
Тая тоски своей огонь.

Проходитъ пьяный. Завсегдатай
Домовъ веселыхъ. Попъ идетъ.
И нивъ словесныхъ жалкій ратай.
И воръ. И тварь. И Богъ. И скотъ.

Но кто замѣтитъ эту руку,
Прочтетъ на облачномъ челѣ,
Что вотъ стоитъ и терпитъ муку
Царица на своей землѣ?

И кто, твоихъ щедротъ владѣлецъ,
Истертый выкинетъ пятакъ
Красѣ веснянокъ и метелицъ,
Сведенной рокомъ въ нищій мракъ?

МЕЖДУ ЛЮДЬМИ.

— Подай копеечку!—Прими.
Такъ Богъ проходитъ межъ людьми.

— Подай копеечку!—Отстань.
Такъ Дьяволъ собираетъ дань.

ОСЕННІЙ СПАСЪ.

Горы, долы, понизовья,
Рѣкъ широкія струи,
Бѣдъ горючихъ изголовья,
Плечи крѣпкія твои!

Что терпѣла, зарывала
Въ землю—вновь цвѣты цвѣли,
Слезы осень вывѣтряла,
Горе зимы замели.

Но Высокій, Нелюдимый
Страшной повѣсти внималъ,
Со страницы невидѣмой
Надъ страдалицей читалъ:

Грянетъ громъ, и горе минетъ.
Канетъ часъ, и станетъ часъ.
Этотъ перстъ судьбины двинетъ,
И придетъ Осенній Спасъ.

Золотыя горы, долы
Обойдетъ и тяжкій крестъ
Унесетъ съ собой, веселый,
Въ свѣтѣ зорь и блескѣ звѣздъ.

СИНЯЯ КЕЛЬЯ.

Звуки капаютъ, какъ листья,
Въ келью синюю мою.
Ясень машетъ желтой кистью
У дороги на краю.
Я ли пѣсенку спою?

Желтый ясень осень чуетъ.
Нищій въ теплые края
По дорогѣ гнется. Дуетъ
Вѣтеръ съ облака. А я?
Гдѣ ты, гдѣ ты, жизнь моя!

Вѣтеръ пѣсенку растреплетъ.
Листья скоро опадутъ.
Ледяной, осенній трепетъ
Закачаетъ голый прутъ.
Какъ же буду жить я тутъ?

Келья синяя, кого ты
Укачала до меня?
Долго длиться нѣтъ охоты
У замученнаго дня.
Канетъ день мой не звеня.

АНГЕЛЪ ВЕСЕЛЬЯ.

Ты—Ангелъ чистаго веселья
И ликованій всеблагихъ,
И золотыя ожерелья
На крыльяхъ медленныхъ Твоихъ.

Лѣса парчею занавѣся
И сводъ раскинувъ голубой,
По тихимъ доламъ, дальнимъ весямъ
Пришелъ Ты благостной стопой.

И даже нищія старухи
И сходы бѣлыхъ стариковъ
Не оставались сердцемъ глухи
Къ Тебѣ, рушителю оковъ.

А изъ церквей, изъ самыхъ старыхъ,
Хоругви подняли Тебѣ,
И былъ огонь отъ крыльевъ ярыхъ
На каждой согнутой избѣ.

И вотъ вступилъ въ мою обитель
Ты въ келью синюю мою.
Тебѣ, о свѣтъ, о исцѣлитель,
Молитву встрѣчную пою.

Ты золотыя ожерелья
На истомленное чело,
Какъ тѣнь небеснаго веселья,
Опустишь скорбно и свѣтло.

ОСЕННЯЯ ЦАРЕВНА.

О, золотая благодать,
О, крылья осени напѣвной!
Я веселъ сердцемъ. Я опять
Дружу съ осеннею царевной.

Она, играя и шаля,
Бѣжитъ, и пальцы тонки-тонки.
И всѣ лѣса и всѣ поля
Живутъ въ сіяющемъ ребенкѣ.

И бѣгъ ея—побѣдный ходъ
Царицы за земною данью.
Суровый Спасъ своихъ невзгодъ
Завѣсилъ скуку синей тканью.

Плоды деревъ и виноградъ
Земля съ послѣдними цвѣтами
Несетъ обильно. Буйный ладъ
У балалаекъ надъ лѣсами.

Играютъ вѣтры, струны рвутъ.
И пѣснь осенняя, развѣя
Неволи призрачный уютъ,
Поетъ все громче и новѣе.

ЗОЛОТОЙ СПАСЪ.

Натирая мѣломъ ризы,
Тихо молвила: подай,
Боже, осень золотую!
Боже! думу угадай:
Чтобъ голубку молодую
Не покинулъ голубь сизый.

И сіяетъ Спасъ суровый
Яркимъ золотомъ вѣнца.
Осень выжечь дебри хочетъ,
Сизый голубь у крыльца
На разлуку смотритъ въ очи,
Конь блеститъ, гремитъ подковой,

И уѣхалъ. И лампада
Масло выпила давно.
Хмуренъ ветхій ликъ иконы.
А въ унылое окно
Сыплетъ злато, каплетъ звоны
Осень, горькая услада.

ОСЕННІЙ ПУТЬ.

Мчался, мчался надъ лѣсами,
Надъ пожарами, надъ дымомъ,
Конь съ лѣсными голосами
Въ хороводѣ былъ незримомъ.

И внизу темнѣли села,
И внизу луга желтѣли,
А подъ высью Божья дола
Ангелъ плылъ благихъ веселій.

Я не зналъ, но сердце пѣло,
Я не зналъ, но птицы знали,
И подъ плескомъ ткани бѣлой
Колыхались тихо дали.

ПУСТАЯ КЕЛЬЯ.

Конь у воротъ, и келья дверь открыла:
Пустынно, тихо и мертво.
Вошелъ и жду. Въ окнѣ поетъ уныло
Осенній вѣтръ: кого, кого!

Конь ускакалъ, и келья дверь закрыла.
Я свѣтелъ, трепетенъ и нѣмъ.
Тамъ въ полѣ прошлое поетъ уныло,
Я не одинъ: но съ кѣмъ же, съ кѣмъ?

СНѢГЪ.

Огонь осенній сжегъ лѣса,
И убранъ чахлый хлѣбъ съ полей.
Голодный вѣтеръ злѣй и злѣй
Съ земли кричитъ на небеса:

Дай снѣга, снѣга дай землѣ!
Но неподвижна синева,
И бьется желтая трава
И день и ночь въ холодной мглѣ.

БОЖЬЯ ЗИМА.

Слыша благовѣстъ зимы
Въ оснѣженномъ полѣ,
Изъ осенней мглы и тьмы
Мчусь, покорный Волѣ.

Слѣдъ, которымъ исходилъ
Кельи и темницы,
Снѣгъ, слетая, запушилъ
Со Твоей десницы.

Боже дней моихъ, овѣй
Голубой метелью
Широту земныхъ степей,
Всю земную келью.

Боже зимній, занеси
Прошлое снѣгами!
Я повѣрилъ: Ты еси,
Ты еси надъ нами.

ХРИСТОВА НЕВѢСТА.

Опять надъ Русью деревенской
Я мчусь, и сердце пронзено:
Искало радости вселенской
И вотъ на крестъ вознесено.

Снѣга, поля и косогоры,
Снѣга, береза или ель.
И тщетно рвутся дальше взоры
За безутѣшную метель.

А и прорвутся—что за нею?
Поля такія жъ залегли,
И небо зимнее темнѣе
Самой тоскующей земли.

И гнутся избы ниже, ниже,
Какъ дѣды въ рваныхъ кожухахъ.
О Русь! ты жизнью къ Богу ближе,
Чѣмъ Іоаннъ нагой въ пескахъ!

Онъ былъ въ теплѣ и опоясанъ,
И пчелы медъ ему несли,
Тебя жъ, невскормленную, на-сонъ
Ночныя вьюги замели.

Но Богъ Предтечи и Аскета,
Онъ твой ли Богъ, моя страна?
Зачѣмъ же нынѣ чаша эта
Тебѣ такъ горько подана—

Когда Христосъ, Женихъ Пресвѣтлый,
Благословляющій хлѣба,
Идущій съ вѣткой вешней ветлы,
Твоя единая судьба?

КОВЕРЪ-САМОЛЕТЪ.

Мой коверъ-самолетъ, мой коверъ-самол
Ты проносишь меня въ самомъ сердцѣ
сотт
Вышній вѣтеръ въ лицо освѣженное бье

Какъ поля широки, какъ снѣга глубоки,
Какъ схороненъ легко синій трепетъ рѣк
Какъ бѣлы сѣдинами лѣса-старики!

И какъ тихо алѣетъ чуть видный востокъ
И какъ робокъ и сѣръ деревенскій дымок
И какъ всякій поселокъ въ снѣгахъ од
нокъ!

И какая кругомъ цѣпенящая тишь!
Будто въ сонъ мертвеца-великана глядишь,
Будто кладбищемъ жизни вселенской ле
тишь.

Улетай, уноси, мой коверъ-самолетъ!
Мчи еще и еще въ самомъ сердцѣ высотъ,
Чтобъ годамъ и пустынямъ запутался счетъ.

ы страхи и страсти, и мысли земли
ко легкимъ узоромъ въ пространствѣ
легли,
, песчинки лучей въ освѣщенной пыли.

ъ несчетныхъ событій разсыпалась сѣть,
ъ просторной душой навсегда осмѣлѣть
езстрастно на міръ распростертый смо-
трѣть.

РѢКА ЖИЗНИ.

Летятъ метели, снѣга бѣлѣютъ, поютъ в
Земля родная то ночи мертвой, то дню бли

Проходятъ люди, дѣла свершаютъ, а сме
глядитъ
Лицо умершихъ то стыдъ и горе, то мі
хранитъ

Роятся дѣти, звенитъ ихъ голосъ, свѣтлѣ
даль
Глаза ребенка то счастье плещутъ, то лью
печаль

Смѣется юный, свободный, смѣлый: мнѣ в
дано!
Колючей вѣткой стучится старость въ е
окно.

Бредетъ старуха, прося заборы ей да
пріютъ.
Судьба и память тупой иголкой ей серд
рвутъ.

И все, что было, и все, что будетъ, — одн
рѣка
Въ сыпучихъ горахъ глухонѣмого, какъ ночь
песка.

ВИѲЛЕЕМСКАЯ ЗВѢЗДА.

Виѳлеемская звѣзда!
Шла ты предъ волхвами:
Въ дни печали и труда
Засвѣти надъ нами.

Вся въ метеляхъ и снѣгахъ
Родины равнина,
Только легкій снѣжный прахъ
Не томитъ кручина.

Всѣ пути сплелись въ клубокъ,
Колеи въ могилахъ.
Въ полѣ бѣдствуетъ ѣздокъ
При послѣднихъ силахъ.

Въ полѣ кружится метель,
Пьяный вѣтеръ воетъ.
Бѣлоснѣжную постель
Саванъ неба кроетъ.

И родные голоса
Всѣ звучатъ печалью.
Растрепало волоса
Горе тамъ надъ далью.

Пригибаяся къ землѣ,
Темныя деревни
Ужъ теряютъ на челѣ
Знакъ отъ Бога древній

И грохочутъ города
Смѣхомъ и слезами.
Виѳлеемская звѣзда,
Засвѣти надъ нами!

МОЛИТВА.

Нѣтъ, не оставилъ Ты ее!
Но испытанье слишкомъ долго.
Грядетъ ли царствіе Твое
Скорѣй, чѣмъ высыхаетъ Волга?

Чѣмъ обнажается земля,
Чѣмъ вымираютъ въ избахъ дѣти,
Чѣмъ замыкается петля,
Чѣмъ крѣпнутъ дьяволовы сѣти?

Ты, Отче нашъ на небесѣхъ
Въ сіяньи райскихъ благолѣпій,
Ты, снявшій съ міра первый грѣхъ,
Поникни взоромъ въ наши степи.

И сердце древнее Твое
Воскликнетъ, лютымъ стонамъ внемля:
Гряди же, царствіе мое,
На эту мученицу-землю!

СВИРѢЛЬ ВЪ МЕТЕЛЯХЪ.

Метели пѣли на поляхъ.
Свистѣли, бились и неслись,
И Русь въ метеляхъ, Русь въ снѣгахъ
Глядѣла въ сумрачную высь.

Тамъ хаотическихъ временъ
Еще стоялъ зловѣщій стонъ,
И мракъ и скорбь со всей земли
Ночные Ангелы несли.

Мой конь былъ плохъ, возница глухъ,
И сани ветхія сѣды.
И воронъ вдругъ пугалъ мой слухъ,—
Вѣщунъ несчастья и бѣды.

Дороги русскія грустны,
И колеи занесены,
Всю ночь не будетъ деревень,
Невѣроятенъ новый день.

ıдалъ: уймись, метель,
ѣга, усталый вѣтеръ, лягъ,
елъ въ чистую свирѣль
прозвени сквозь горній мракъ.

ı будетъ такъ, коль на вѣка
удьба родная высока,
дали русскія просторъ
е на позоръ кругомъ простеръ.

къ сказалъ. И стало такъ.
истъ утихъ. И вѣтеръ легъ.
будто Кто-то подалъ знакъ,—
бы слѣпительной залогъ.

Какъ звонкій шелестъ райскихъ крылъ,
Свирѣльный гимнъ по небу плылъ
И падалъ въ тихіе снѣга
На занесенные луга.

Душа моя просвѣтлена,
Мой путь стремителенъ и прямъ:
Я въ часъ унынія и сна
Внималъ звенящимъ небесамъ.

Я слышалъ, Боже, голосъ Твой
Надъ всей равниной снѣговой.
Опять летитъ, свиститъ метель,
Но въ ней поетъ Твоя свирѣль.

ВЕСНА.

:трекотала птица въ голыхъ вѣткахъ,
И люди въ темныхъ, тѣсныхъ клѣткахъ
На солнце, къ окнамъ, какъ ростки,
Отъ вешней тянутся тоски.

ты, ростокъ стремительный и дикій,
Ты, сердце, пламенные клики
Услышавъ въ небѣ надъ собой,
Сорвавшись, мчишься въ свѣтлый бой.

РАЗСВѢТЪ.

Какъ сумерки тихи, какъ ночь еще видн
Но ужъ пугливы стали птицы ночи.
Имъ первымъ неизбѣжность ясности ясна
Смутясь, вращаютъ слѣпнущія очи.

Уродливы, какъ зло, сцѣпили дружный кру
Нахохлившись, сидятъ—и дыбомъ перья.
И колетъ медленный, предутренній испуг
Личины лжи, обмана, недовѣрья.

Еще иная, изогнувъ позорный клювъ,
Перебираетъ клочья кожи съ кровью.
Но ужъ сѣдыя космы въ сумракъ окунув
Пригнулась ночь къ сырому изголовью.

И костенѣющихъ еще не свергнувъ вѣкъ,
Тоскливо смотритъ въ облака востока,
Гдѣ нѣжная заря поитъ истоки рѣкъ
Огнемъ взлетающаго солнцеока.

КОНЬ.

Я вижу сильнаго коня.
Онъ надъ обрывомъ спину гнетъ
И зло копытомъ камень бьетъ,
Такъ негодующе звеня.

Надъ нимъ просторный, горный склонъ,
И ноги силой налиты—
Такъ отчего жъ не мчишься ты
Наверхъ, подъ синій небосклонъ?

Движенья вѣрныя тѣсня,
Стянувъ два крѣпкіе узла,
Веревка ноги обвила:
Я вижу плѣннаго коня!

НЕОТВЯЗНАЯ КАРТИНА.

День тяжелый, мутно-бѣлый
Настаетъ.
Кровъ земли одервенѣлой
Плугъ деретъ.

Пол-цѣлины распахали
Въ сѣрый прахъ.
Пѣтухи кричать устали
На плетняхъ.

Сохнутъ вскопанныя комья,
Мретъ трава.
Даль безлѣсья и бездомья
Вся мертва.

Лихо вьется по дорогѣ
Злая пыль.
Это вымыселъ убогій,
Или быль?

ВЕЧЕРЪ НА ВОЛГѢ.

Заря смежаетъ очи,
Ужъ крылья дальней ночи
Надъ Волгой шелестятъ.

Другъ друга чайки кличутъ,
Послѣднюю добычу
Въ рябой волнѣ щемятъ.

Ровнѣе, глаже, ниже
Ложится берегъ рыжій
На синій платъ рѣки.

А темный берегъ тушитъ
Лучей цвѣтныя души
О влажные пески.

ПИЧУГА.

Что накатываютъ волны на рѣкѣ?
Въ чьей пичуга бьется каменной рукѣ?

Какъ у той пичуги крылья въ пять морей,
Только бъ вырваться на волю поскорѣй!

Какъ у той пичуги сила въ семь небесъ,
Только бъ Богъ за камнемъ мертвеннымъ
воскресъ.

Какъ у той пичуги сердце въ девять солнцъ,
Только бъ выглянуть ему изъ всѣхъ оконцъ.

Какъ и голосъ у пичуги той на цѣлый
свѣтъ,
А другой такой пичуги во вселенной нѣтъ.

Что жъ накатываютъ волны на рѣкѣ?
Замерла пичуга въ каменной рукѣ!

Крылья, сила, сердце, голосъ—во плѣну.
И волна торопитъ темную волну.

Бѣляки ужъ забѣлѣли вдалекѣ.
Что жъ накатываютъ волны на рѣкѣ?

ГРОЗА.

Какъ стеблями недожатыми,
Вѣя молньями крылатыми,
Пронеслась
И, спускаясь небоскатами,
Въ даль впилась.

Громыхая тяжкимъ грохотомъ,
Колыхая воздухъ рокотомъ,
Небо жгла
И со вздохами и съ хохотомъ
Отошла.

Какъ невиданными мрежами,
Надъ землей дождями свѣжими
Просвистѣвъ,
Въ міръ, лазурью вѣчно нѣжимый,
Скрыла гнѣвъ.

И какъ утренняя лилія,
Смывъ проклятіе безсилія,
Свѣтъ струя,
Распахнула въ жизнь воскрылія
Вся земля.

ПЕЧАЛЬНИКЪ.

Прошумѣли дожди и столбами ушли
Отъ рѣки голубой на равнины земли.

И опять тихій путь въ берегахъ безъ конца
Вдаль уноситъ меня, молодого пловца.

Ужъ и какъ же ты, даль, на Руси далека!
Ужъ не будетъ ли жизнь для тебя коротка?

Вонъ по берегу въ гору бредетъ человѣкъ.
Видно, старъ, видно, нищъ, видно, ходитъ онъ вѣкъ.

А видалъ ли края, всѣ ль концы исходилъ,
Какъ въ послѣднюю гору поплелся безъ силъ?

Такъ бери жъ и меня, заповѣдная даль!
Схороню я въ тебѣ вѣковую печаль.

Ужъ и какъ же, печаль, на Руси ты крѣпка!
Вихремъ въ пѣсню впилась волгаря-бурлака.

И несешь и томишь, обнимаешь, какъ мать.
Видно, вѣкъ свой съ тобою и мнѣ свѣковать!

Такъ пускай же вдали опечалюсь за всѣхъ,
Чтобы вспыхнулъ за мной оживляющій смѣхъ,

Чтобы пѣсня взвилась огневая за мной
Надъ великой, скорбящей моею страной!

СТРАСТНАЯ НЕДѢЛЯ.

Днемъ и ночью главы горъ во мглѣ.
Днемъ и ночью въ церкви звонъ.
Скоро будетъ праздникъ на землѣ,
Скоро—послѣ похоронъ.

Сѣрый, сыпкій, вѣрный дождь стучитъ,
Мякнетъ кровъ нѣмой земли.
Моетъ грудь лохматую гранитъ,
Иглы тернъ остритъ свои.

Много смерть сплететъ еще вѣнковъ,
Много сносятъ черныхъ ризъ.
Какъ съ креста, съ далекихъ облаковъ
Око кротко смотритъ внизъ.

Не устанетъ колоколъ звонить,
И со звономъ грянетъ вѣсть:
Только бъ дни страстные пережить,
Повѣсть скорбную дочесть.

ПЛАЩАНИЦА.

Долго-долго вышивала,
Вязь славянскую плела,
Шелкъ слезами поливала,
Ставила уставъ:
— Смертью смерть поправъ.—
Вышивая, умерла.

Но у темной плащаницы
Буквы свѣтятся досель.
По угламъ святыя птицы,
И цвѣты средь травъ
— Смертью смерть поправъ,—
Васильки и повитель.

Пусть нѣмому сердцу мало
Во слезахъ свѣтящихъ словъ,
Чаять пусть оно устало,
Замерло, уставъ:
— Смертью смерть поправъ—
Вѣчный благовѣстъ шелковъ.

Жалко синихъ глазъ черницы,
Слезъ, свѣтлѣе серебра.
Но у слезной плащаницы
Свѣтитъ зелень травъ:
— Смертью смерть поправъ—
И твою вѣдь, смерть, сестра!

ПОХОРОНЫ.

Плащаницу, теплую отъ губъ,
Цѣловавшихъ цѣлый день,
Положили въ желтый, старый срубъ
Подъ ветшающую сѣнь.

И головъ поникшихъ низкій лѣсъ
Съ дружнымъ вскинулся крестомъ,
Чтобъ Христосъ схороненный воскресъ,
Чтобъ воскреснулъ каждый въ немъ.

РАЗСКАЗЪ СВ. ЛУКИ.

Солнце плыло изъ-за утренней земли.
Мироносицы ко гробу тихо шли.

Скорбь овѣяла ихъ облакомъ сѣдымъ.
Кто у входа камень тяжкій сдвинетъ имъ?

Ароматы держатъ въ трепетныхъ рукахъ.
Выплываетъ солнце въ медленныхъ лучахъ.

Озаряетъ солнце темный, низкій входъ.
Камня нѣтъ! Отваленъ камень. Ангелъ ждетъ.

Ангелъ бѣлый надъ гробницей Божьей всталъ,
Мироносицамъ испуганнымъ сказалъ:

— Не ищите Іисуса: Онъ воскресъ.
Онъ на небѣ и опять сойдетъ съ небесъ.—

Тихій ужасъ, сладкій трепетъ и восторгъ
Вѣстникъ чуда изъ сердецъ двухъ женъ исторгъ.

Лобызаютъ ткани праздныя пеленъ.
Солнце всплыло. Въ небѣ свѣтлый, вѣчный звонъ.

БЛАГОВѢЩЕНЬЕ.

Подарилъ Іосифъ ткани,
Облекла проворный станъ.
Тучи спали на Ливанѣ,
Вѣтры сжалъ Антиливанъ.

Медлитъ полдень бирюзовый,
Выжигая мракъ и тѣнь.
Ключъ питаетъ у дубровы
Зеленѣющую сѣнь.

Только какъ сойти горою?
Зной полуденный великъ.
И узорною каймою
Закрываетъ смуглый ликъ.

И по склону за водою
Путь свершаетъ не спѣша.
За красою молодою
Свѣтитъ дѣвичья душа.

Близокъ отдыхъ отъ истомы,
Но лишь свѣту ликъ открытъ,
— Кто ты, бѣлый, незнакомый!—
Дѣва въ ужасѣ кричитъ.

И устами неземными
Ангелъ, благостенъ и строгъ:
— Ты родишь, и будетъ имя—
Возвѣщаетъ—съ нами Богъ.—

И купель святого сѣва,
Отъ нечаянья слаба,
Отвѣчаетъ тихо дѣва:
— Я Господняя раба!—

Возсіяла о младенцѣ,
Заалѣлась отъ жары,
На узорномъ полотенцѣ
Трепетъ солнечной игры.

Плещетъ ключъ, кувшинъ наполнивъ,
Влагой свѣтлою тяжелъ.
Волю Божію исполнивъ,
Ангелъ съ миромъ отошелъ.

МАТЬ.

Голодная, усталая,
Я шла по мостовой.
И на-смерть въ грязь упала я,
И слышу голосъ Твой.

Надъ улицею каменной,
Надъ свѣтомъ фонарей
Рукой взмахнулъ Ты пламенной,
У райскихъ сталъ дверей.

И молвилъ:—Стражи Божіе!
Душа летитъ съ земли.—
Мнѣ облаки подножіе
Златое вознесли.

И я лечу, блаженная,
Въ пресвѣтлые края,
И звѣздная вселенная
Привѣтствуетъ меня.

Такое тамъ сіяніе,
Такая красота!
Земное все страданіе
Забыла я спроста.

Но въ счастьѣ вдругъ запнулася,
Тоской себя крушу:
Любовь во мнѣ проснулася,
Я Ангела прошу:

— Дозволь дорогой ближнею
За кровными дѣтьми
На землю сбѣгать нижнюю,
Ворота разойми!—

Но строго Ангелъ сказывалъ:
— Земнымъ дремать имъ сномъ.—
И въ книгу мнѣ показывалъ
Сіяющимъ мечомъ.

А я сквозь слезы слушала,
Слыхать-то не могла:
Весь рай любовь разрушила,
Онъ сталъ мнѣ горше зла,

— Пустите горемычную
Въ земную клѣть опять!
Тамъ горестью привычною
Я стану горевать.—

И Ангелы смущаются
У облачныхъ твердынь.
Но тутъ цвѣты качаются,
И слышенъ гласъ:—Аминь.

Раба моя любимая,
Дарую жизнь тебѣ.
Вернись, неутомимая,
Къ земной своей судьбѣ.—

Меня за плечи трогаютъ,
Поднять хотятъ и бьютъ:
— Встань, пьяная, убогая,
Тебѣ тутъ не пріютъ!—

И улица качается,
Дома и фонари.
И люди надругаются:
— Проснись, глаза протри!—

ПОСЛѢДНІЙ ПРІЮТЪ.

Утоли мои печали,
Бѣлый скитъ.
Сердце скорби спеленали—
Чуть стучитъ.

Помоги надѣть вериги,
Свѣтлый братъ.
Легче съ ними жизни миги
Отзвенятъ.

И кого спасло скитанье,
Разскажи,
Отъ сомнѣнья, отъ незнанья
И отъ лжи.

И какого Бога славятъ
Птицы тутъ,
Въ часъ, какъ зори свѣчи ставятъ
И поютъ.

Я пришелъ, поля и селы
Исходивъ.
Пріимите богомола
Съ нищихъ нивъ.

Тамъ бездолье, бездорожье,
Черный край.
Здѣсь въ скитахъ становье Божье,
Тихій рай.

Упрошу земнымъ поклономъ
Бѣлый скитъ.
Онъ меня подъ мирнымъ звономъ
Пріютитъ.

Онъ мою освѣтитъ душу
Въ зломъ аду.
Я обѣта не нарушу,
Не уйду.

Я надъ свѣтлою рѣкою
Допою
Пѣсню вѣчному покою—
Жизнь свою.

ГОЛУБЬ.

Голубь бѣлый, гость далекій,
Прилетѣлъ.
Голубь дивный, свѣтлоокій
Мнѣ запѣлъ:

Какъ онъ въ давнія годины
Весь ковчегъ
Вѣткой первою маслины
Звалъ на брегъ.

Какъ на струны золотыя
Онъ слетѣлъ,
Чтобъ Давидъ мечты святыя
Вѣрно спѣлъ.

Какъ онъ трепетной Маріи
Вѣсть принесъ
О рожденіи Мессіи
Въ мірѣ слезъ.

Какъ надъ тихимъ Іорданомъ,
Сжавъ уста,
Спрятанъ утреннимъ туманомъ,
Ждалъ Христа.

Какъ надъ всякимъ, всякимъ тѣломъ
Въ часъ разлукъ
Разрѣшеньемъ вѣетъ бѣлымъ
Смертныхъ мукъ.

Ты зачѣмъ же, голубь дивный,
Прилетѣлъ?
Или конченъ заунывный
Мой удѣлъ?

Или жизнь рождая снова,
Сбросивъ гнетъ,
Древо огненнаго слова
Разцвѣтетъ?

Будь, что будетъ, голубь! Смѣло
Славлю я
Твой прилетъ изъ-за придѣла
Бытія.

ЗОРИ.

Зори мои, зори,
Алыя царевны!
Въ золотомъ просторѣ
Святы вы, безгнѣвны.

Научите, зори,
Душу быть великой
Въ человѣчьемъ морѣ,
Свѣтлою и тихой.

Отразите, зори,
Въ бѣдномъ и молящемъ
Человѣчьемъ взорѣ
Мысль о Богѣ зрящемъ.

Ослѣпите, зори,
Свѣтомъ чудодѣйнымъ
Человѣчье горе
Съ разумомъ затѣйнымъ.

Зори, мои зори,
Заслоните бѣды
Отъ родимыхъ взгорій
Стягами побѣды.

Видя мать-равнину
Въ мукахъ и позорѣ,
Дайте силы сыну,
Зори мои, зори!

ВЕЧЕРНІЙ ПРОХОЖІИ.

Посинѣли дороги,
И вѣтеръ прилегъ.
Я затихъ на порогѣ,
Печаленъ и строгъ.

Проходили пѣвуньи
Съ работы въ поляхъ.
Пронеслись щебетуньи
На острыхъ крылахъ.

Посѣти меня, Боже!—
Я тайно молилъ.
И согбенный прохожій
Вдали запылилъ.

Я заждался въ тревогѣ,
Пока онъ доплелъ
Истомленныя ноги,
Незрячъ, полуголъ.

И зарей озаренный,
Навстрѣчу ему
Выхожу я, смущенный,
Снимаю суму.

Тутъ скрестились дороги
Его и моя,
Мы вдвоемъ на порогѣ
Въ огнѣ бытія.

Рѣютъ тихія рѣчи
О дальнихъ путяхъ,
И предѣлъ человѣчій
Ширѣетъ въ краяхъ.

И страна бездорожья,
Бездолья страна,
Какъ избранница Божья,
Свята и ясна —

Возстаетъ изъ намековъ,
Глухихъ повѣстей,
Изъ обѣтовъ, зароковъ,
Изъ тайныхъ вѣстей.

Вечеряютъ поляны,
Смуглѣютъ лѣса,
И послѣднія раны
Смыкаетъ краса.

Боже! Странникъ убогій—
Явленье Твое!
На нелживой дорогѣ
Мое житіе.

РОЖЬ.

Давно ль по этимъ косогорамъ
Ты, пахарь, правилъ тяжкій плугъ—
И вотъ надъ рожью сталъ дозоромъ
Луны іюньской полный кругъ.

Недвиженъ колосъ полуночный,
И стихнулъ всякій звукъ полей.
Схороненъ трудъ на срокъ зарочный
Во власть торжественныхъ стеблей.

Что зрѣетъ? Голодъ, стыдъ и муки,
Иль русскій праздникъ—урожай?
Жалѣй, земля, родныя руки
И чернымъ годомъ не сражай!

ЗНОЙ.

Рѣки молокомъ текутъ отъ зноя.
Гдѣ жъ ты, житіе иное?

Въ полѣ мрѣетъ марево надъ нивой.
Я съ тобой, земля, тоскливой.

Я съ тобой, земля, въ тревогѣ
О тебѣ. О колосѣ. О Богѣ.

РОЖЬ.

Всколосись, зеленая,
Да во всю-то ширь!
Жизни, рожь смышленая,
Ты вѣдь поводырь.

Проходилъ я около
Зеленей твоихъ.
Глянулъ окомъ сокола,
Увидалъ—затихъ:

Словно рать отборная,
Изъ земли встаешь
Сила чудотворная
Ты, надежда-рожь!

Годы урожайные!
Кабы чаще вы
На поля безкрайные
Гулъ ржаной молвы

Приносили, милые,
Съ темноты временъ,—
Содрогнулся бъ силою
Вѣковой нашъ сонъ,

Захлебнулся бъ волею,
Сталъ бы сытымъ міръ,
Вѣкъ свѣтлѣй и долѣе,
Шире русскій пиръ!

ВАСИЛЬКИ.

Рожь высокая по плечи,
Земляника, василекъ —
Путь убогій, человѣчій
Вновь мнѣ легокъ и далекъ.

Все иду, иду, а полю
Нѣту мѣры и конца.
Нагляжусь теперь я вволю
Въ очи милаго Отца.

Вотъ они во ржи синѣютъ,
Вонъ надъ облакомъ горятъ.
И мои глаза яснѣютъ,
Отражая вѣчный взглядъ.

И яснѣетъ духъ мой въ тѣлѣ,
Полегчавшемъ отъ ходьбы.
Тихо путы ослабѣли
Человѣческой судьбы.

СЧАСТЬЕ.

Новый мѣсяцъ выглянулъ съ востока:
Воротилось Счастье издалека.

— А и гдѣ жъ ты, Счастье, пропадало?
За какой горою ночевало?

— Я томилось, Счастье, во темницѣ,
Гдѣ ни звѣрю не бывать, ни птицѣ.

— А куда жъ ты, Счастье, путь свой правишь?
А кому жъ ты нынѣ бѣдъ убавишь?

— На тебя, на молодца, путь правлю.
Ужъ и какъ утѣшу, да забавлю!

— Что же, Счастье, путь твой такъ маленекъ:
Вкругъ полушки, не рублевыхъ денегъ?

Ты смѣни-ка путь свой этотъ узкій
На широкій, да великій русскій.

Ты пройди-ка большаками землю,
Гдѣ непочатыя силы дремлютъ.

Одари-ка всю ее богато,
Расщедрись-ка на ржаное злато.

Ужъ тогда тебя къ себѣ приму я
Въ само сердце, какъ жену родную!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

(„Русь“ и „Благовѣщенье“ 907 г., отмѣченные звѣздочкой—908, остальные—909.)

		Стр.
1.	Русь	5
*2.	За Свѣтланой	7
*3.	Гаданье	9
4.	Сваты	11
5.	Витязь	14
*6.	Вертодубъ	17
*7.	Польша	19
*8.	Весна	20
*9.	Сирень	22
10.	Дождевикъ	23
11.	Нищая	24
12.	Между людьми	25
*13.	Осенній Спасъ	26
*14.	Синяя келья	27
*15.	Ангелъ веселья	28
*16.	Осенняя царевна	30
*17.	Золотой Спасъ	3
*18.	Осенній путь	3
*19.	Пустая келья	3
*20.	Снѣгъ	3
*21.	Божья зима	3
22.	Христова невѣста	3
*23.	Коверъ-самолетъ	3
24.	Рѣка жизни	4
*25.	Виѳлеемская звѣзда	4
26.	Молитва	4
*27.	Свирѣль въ метеляхъ	4

Стр.
28. Весна. 47
29. Разсвѣтъ 48
30. Конь 49
31. Неотвязная картина. 50
32. Вечеръ на Волгѣ 51
33. Пичуга 52
34. Гроза. 53
35. Печальникъ. 54
36. Страстная недѣля. 56
37. Плащаница 57
38. Похороны 58
39. Разсказъ св. Луки 59
40. Благовѣщенье. 60
41. Мать. 62
42. Послѣдній пріютъ 65
43. Голубь 67
44. Зори 69
45. Вечерній прохожій 71
46. Рожь 74
47. Зной 75
48. Рожь 76
49. Васильки 78
50. Счастье 79

Книги Сергѣя Городецкаго.

I. Стихи.

Ярь. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе. Кн. I. Изд. „К. М.“ С
907. Обложка Н. Рериха.

Перунъ. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе. Кн. II. Изд. „Ор
Спб. 907. Обложка Л. Бакста.

Дикая воля. Стихи и сказки. Кн. III. Изд. „Факелы“. С
908. Обл. автора. Ц. 1 р.

Ія. Стихи для дѣтей. Кн. IV. Рисунки и обложка автора. Изд. „Зар
М. 908. Ц. 75 к.

II. Разсказы.

Кладбище страстей. Кн. I. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 908.
ложка Г. Нарбута. Ц. 1 р.

Деревня. Кн. II. Готовится.

III. Статьи.

Велесъ. Очерки по теоріи и исторіи символизма. Готовится.

IV. Переводы.

І. П. Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. „Сѣверн. Сб.“, кн. IV
К. Гамсунъ. Закатъ. Драма. Т. VI. Изд. „Шиповникъ“.
Г. де Мопассанъ. Т. I. и II. Изд. „Пантеонъ.“
Г. Гауптманъ. Потонувшій Колоколъ. Изд. „Шиповникъ“.

Печатается:

Собраніе стиховъ Т. I. Ярь. Кн. 1 и 2 (второе изданіе). Изд
М. О. Вольфа.

LR
G6724ru
570390
Gorodetsky, Sergei Mitrofanovich
Русь.
[Transliterated: Rus'.]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED